

Василий Федосеев

О долженствовательном значении

Studia Rossica Posnaniensia 7, 127-132

1975

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВАСИЛИЙ ФЕДОСЕЕВ

Москва

О ДОЛЖЕНСТВОВАТЕЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ

В *Грамматике современного русского литературного языка*¹ как одна из форм семичленной парадигмы простого предложения рассматривается форма „долженствовательного наклонения”, организуемая либо „постановкой входящего в структурную схему личного глагола в форме, омонимичной императивной”, либо „введением в безглагольную структурную схему служебного глагола *быть*” также в форме императива². Приводятся, в частности, примеры: *Я и подай, я и уберу; Строительство будь закончено в срок, а материалов нет; У нас будь тишина, а вам шуметь можно?* И далее говорится: „Форма долженствовательного наклонения обозначает, что то, о чем сообщается, обязательно для осуществления независимо от воли говорящего”³. На наш взгляд, такое толкование значения формы „долженствовательного наклонения” не совсем точно, во всяком случае, не во всех предложениях, приведенных в *Грамматике* в качестве иллюстраций, названная глагольная форма имеет такое значение.

Оставим пока в стороне вопрос с правомерности возведения рассматриваемой формы в ранг отдельного наклонения и попытаемся разобраться в ее значении. Ученые давно обратили внимание на способность императивной формы употребляться в иных, неимперативных, значениях, возникающих, как правило, в тех случаях, когда глагол в форме повелительного наклонения попадает в предложения, не имеющие императивной интонации. Так, акад. В. В. Виноградов писал: „Повелительное наклонение [...] характеризуется особой интонацией. Эта интонация сама по себе может превратить любое слово в выражение приказания. В системе повелительного наклонения эта интонация является органической принадлежностью глагольных форм. Вне этой интонации повелительного наклонения не существует [...] Те же глагольные формы, но без императивной интонации могут быть лишь граммати-

---

¹ *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва 1970.

² Там же, стр. 579.

³ Там же, стр. 579.

ческими „омонимами” повелительного наклонения”⁴. Это очень важное, на наш взгляд, положение справедливо и по отношению к „грамматическим омонимам повелительного наклонения”, справедливо в том смысле, что последние также всегда „заряжены” на особую интонацию. Например:

Муженек-то? На дуэлях дерется, за певичами бегаёт, а жена тут чахни и сохни по его милости... (Чехов, *Раз в год*);

Разбит, утомлен душой, на сердце гнетущая тоска, а ты изволь садиться и писать! (Чехов, *Тссс!*...);

Брат за брата не ответчик... Кузьма не платит, а ты, Денис, отвечай... (Чехов, *В суде*);
Всю жизнь где-то моталась! Прыгала! И вот, спасибо, к нам припрыгала! Работай на нее! (О. Чайковская, *У окна и за окном*);

Ты ведь знаешь, как у них в семье: мать приготовь, мать постирай, мать и по магазинам мотайся... (В. Андреев, *Дорога*);

Да, ловко вы придумали... Я, значит, ишачь, а премию получать будете вы? (Н. Струнин, *Мастер*).

В таких предложениях, содержащих глагол в форме, омонимичной императивной, возникновение и выражение значения долженствования самым тесным образом связано с соответствующей интонацией всего предложения. Сравним интонацию предложений, например, в следующих парах:

1. *Вы провинились, а я отвечай.*

2. *Вы напишете, а я отвечай?*

1. *Взрослый сын бездельничает, а отец работай.*

2. *Отец работай, а взрослый сын будет бездельничать?*

Совершенно очевидно, что вторые предложения в этих парах в отличие от первых имеют интонацию, близкую к вопросительной. Очевидно и другое: интонационное различие между ними есть свидетельство различия семантического. Рассмотрим предложения первого типа.

Собранный нами материал позволяет предположить, что предложения, содержащие форму, омонимичную императивной, и не имеющие вопросительной интонации, могут употребляться и как самостоятельные простые предложения, и как части сложных предложений с противительно-сопоставительным значением. Но независимо от этого форма, омонимичная императивной, в таких предложениях всегда интонационно выделена: именно на нее приходится логическое ударение. Таким образом, в центре внимания всегда оказывается действие, о котором В. В. Виноградов писал, что оно „навязано субъекту против его воли, предписано ему как его обязанность”. Кроме того, во взаимодействии с соответствующей интонацией рассматриваемая словоформа

⁴ В. В. Виноградов, *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, изд. 2-е, 1972, стр. 464; а также см.: Д. Н. Шмелев, *Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке*, „Русский язык в школе” 1961, № 5; И. П. Мучник, *Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке*, Москва 1971; А. В. Бондарко, *Категория наклонения*. В кн.: *Русский глагол*, Ленинград 1967.

дает возможность говорящему выразить негодование, протест в связи с таким навязанным действием⁵. Например:

Я женщина беззащитная, слабая... Замучилась до смерти... И с жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по хозяйству бегай, а тут еще говену и зятя без места... (Чехов, *Беззащитное существо*);

— Жизнь каторжная! — ворчал Федор работая. — Одни люди спят давно, другие гуляют, а ты вот, как Каин какой, сиди и шей черт знает на кого... (Чехов, *Сапожник и нечистая сила*);

Вот этак вы понастрочите разных пакостей, а потом за вас отдувайся! (Чехов, *Водевиль*);

Всякий куст, всякое дерево, всякая кочка, словно живые, дразнятся, а он слушай! — (Салтыков-Щедрин, *Медведь на воеводстве*);

И вот так всегда: прогуляет с друзьями всю ночь, работу, конечно, к сроку не сделает, а я потом объясняйся с заказчиками, красней перед ними (И. Куликов, *Аннушка*).

Значение обязательности, вынужденной необходимости сделать что-либо может быть выражено не только формой, омонимичной императивной (конечно, при соответствующей интонации), но и семантически эквивалентной конструкцией *должен (обязан) + инфинитив* соответствующего глагола. Ср., например:

1. — Жизнь каторжная! — ворчал Федор работая. — Одни люди спят давно, другие гуляют, а ты вот, как Каин какой, сиди и шей черт знает на кого... (Чехов, *Сапожник и нечистая сила*);
- 1а. — Жизнь каторжная! — ворчал Федор работая. — Одни люди спят давно, другие гуляют, а ты вот, как Каин какой, должен сидеть и шить черт знает на кого.
2. Всякий куст, всякое дерево, всякая кочка, словно живые, дразнятся, а он — слушай! (Салтыков-Щедрин, *Медведь на воеводстве*);
- 2а. Всякий куст, всякое дерево, всякая кочка, словно живые, дразнятся, а он должен слушать!
3. На дуэлях дерется, за певичками бегаёт, а жена тут чахни и сохни по его милости... (Чехов, *Раз в год*);
- 3а. На дуэлях дерется, за певичками бегаёт, а жена тут должна чахнуть и сохнуть по его милости.

Теперь возникает вопрос: в приведенных предложениях действие, выраженное словоформой, омонимичной императивной, мыслится как реальное или как нереальное? Например, в рассказе А. Чехова *Беззащитное существо* госпожа Шукина говорит: „И с жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по хозяйству бегай...” Реальны ли действия, выраженные словоформами *судись, хлопочи, бегай*? Да, эти действия воспринимаются читателем как имевшие место в действительности. Потому-то госпожа Шукина и „замучилась до смерти”, что ей, оказывается, приходится одновременно заниматься несколькими делами: и с жильцами судиться, и за мужа хлопотать, и по хозяйству бегать. Иначе говоря, словоформы *судись, хлопочи, бегай*, соседствуя в тексте рассказа с глаголами в форме изъявительного наклонения, также выражают значение,

⁵ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 472.

свойственное изъяснительному наклонению. То же самое наблюдается и в других приведенных выше предложениях: словоформы *сиди, шей, отдувайся, слушай, чахни, сохни* выражают действия реальные, которые либо происходят, либо происходили в действительности. Исследуя глагольные формы, омонимичные императивной, В. В. Виноградов отмечал, что значение морфологического времени им чуждо. Однако в предложении эти формы приобретают способность выражать значение времени, то значение, которое „вытекает из времени соотносительного предложения, из синтаксического контекста”⁶.

Предложения типа *Вы насорили, а я убирай? Отец работай, а сын будет бездельничать?* отличаются от только что рассмотренных как интонацией, так и своим значением. Кроме того, предложения такого типа по своей структуре всегда являются сложными, части которых соединены союзом *а*.

Интонацию сложного предложения вообще трудно описывать, а рассматриваемых тем более. Поэтому назовем лишь некоторые улавливаемые на слух специфические признаки интонации таких предложений. Во-первых, каждая часть имеет свою особую интонацию. Так, первой свойственна восходящая тональность, логическое ударение приходится на глагол-сказуемое, которым нередко и заканчивается первая часть. Начало второй части имеет более высокую тональность, чем начало первой, и заканчивается она резким повышением тона на глаголе-сказуемом, в результате чего и возникает интонация, по характеру близкая к вопросительной. Во-вторых, наличие в каждой части логически выделяемых членов и паузы между частями способствует формированию оттенка сопоставительного значения.

Исследуя значение предложений рассматриваемого типа, необходимо отметить, что они выражают вывод, логически вытекающий из предшествовавшего разговора или ситуации (значение вывода особенно усиливается, если предложение включает в себе слова *значит, следовательно, выходит, стало быть* и некот. др.). Например:

Иди! Если ты не подпишешься, то горе тебе будет! Выгонят тебя, подлеца моего, и тогда я с голоду, значит, подыхай? (Чехов, *Либерал*);

Значит, мать готовь, стирай, сиди с твоим ребенком, а ты по танцулькам будешь бегать? („Комсомольская правда”, 16 декабря 1972);

Я, стало быть, сиди в деревне, работай не разгибая спины, а детки мои будут по границам разезжать, отцовские денежки финтить? (М. Никитин, *Здесь жил Достоевский*);

Выходит, я тут бегай, хлопочи, унижайся перед всякой дрянью, а тот, кто больше всех виноват, кто пустил нас по миру, опять будет командовать? (Салтыков-Щедрин, *Господа Головлевы*).

И все же в приведенных предложениях содержится не просто вывод, а вывод-перспектива. Говорящий, делая вывод, скажем, из только что состоявшегося разговора, одновременно рисует и перспективу, которая как бы сама

⁶ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 472.

по себе вытекает из этого разговора. При этом большое значение имеет форма, в которую говорящий облекает вывод-перспективу. Очевидно, выбор говорящим именно такой модели предложения обусловлен прежде всего тем, что она позволяет ему не только сделать вывод и нарисовать перспективу, но и высказать свое отношение к этой перспективе. В таких предложениях выражены негодование, протест говорящего по поводу высказанной перспективы. Причем этот протест говорящего вызван не столько действием, заключенным в первой части сложного предложения, сколько действием, о котором говорится во второй части (см. приведенные выше примеры). Говорящий, как бы допуская сосуществование заключенных в первой и во второй частях действий, сопоставляет их, в результате чего и обнажается алогизм такого сосуществования, несовместимость сопоставляемых действий. В предложениях рассматриваемого типа подспудно звучит требование говорящего, смысл которого заключается в том, чтобы действие, особенно то, которое помещено во второй части, не имело бы места в действительности. Интересующая нас глагольная форма, омонимичная императивной, в разбираемых предложениях может находиться как в первой, так и во второй части сложного предложения (*Вы насорили, а я убирай? Отец работай, а взрослый сын будет бездельничать?*). Следовательно, о нереальном долженствовании что-либо сделать, выраженном формой, омонимичной императивной (а значит, и о возможности рассмотрения последней как одной из форм ирреального наклонения), можно говорить лишь в тех случаях, когда эта форма находится во второй части сложного предложения. Если же форма, омонимичная императивной, находится в первой части, то не всегда действие, выраженное ею, будет нереальным. Например, в том же предложении *Отец работай, а взрослый сын будет бездельничать?* действие, выраженное словоформой *работай*, вполне может быть осмыслено как реальное. Говорящий в этом случае протестует не против того, чтобы отец работал, его протест вызван главным образом тем, что взрослый сын будет бездельничать. Именно этого действия говорящий и не хочет допустить.

Теперь подытожим сказанное:

1. Предложения, содержащие глагольную форму, омонимичную императивной, интонационно могут быть оформлены по-разному. Интонационное же различие таких предложений есть признак их семантического различия.

2. В предложениях типа: *Мать и приготовь, и подай, и квартиру уберу; Все дразнятся, а он слушай*, то есть в предложениях без вопросительной интонации, форма, омонимичная императивной, выражает реальное долженствование совершить какое-либо действие или реальное долженствование наличия какого-либо признака. Причем и само действие (или признак) мыслится как факт реальный: оно либо совершается, либо совершалось, либо совершится в будущем. Следовательно, в соответствующем контексте и при соответствующей интонации исследуемая форма есть не что иное, как экспрессив-

ная форма со значением изъявительного наклонения, на что указывает возможность замены глагола в форме, омонимичной императивной, семантически эквивалентной конструкцией *должен (обязан) + инфинитив* того же глагола.

3. Предложения типа: *Вы насорили, а я убирай? Отец работай, а взрослый сын будет бездельничать?* — в целом выражают вывод-перспективу. Особенностью таких предложений является то, что в них реализуются разные свойства речевого акта: собственно сообщение (коммуникативная функция), выражение эмоций (эмотивная функция) и волеизъявление говорящего (волеизъявительная функция). В предложениях такого типа говорящий высказывает перспективу сосуществования двух каких-либо действий или признаков. Однако суть этих предложений заключается как раз в том, чтобы показать невозможность такого сосуществования. Здесь говорящий протестует особенно против того действия (или признака), которое заключено во второй части сложного предложения. Таким образом, если действие, выраженное формой, омонимичной императивной, заключено во второй части, то можно предположить, что действие это не совершается, не совершалось и реально не совершится в будущем, а мыслится лишь как предполагаемое, то есть нереальное.

4. В формировании и выражении значения нереального долженствования, кроме интонации, которой в этом отношении принадлежит ведущая роль, большое значение имеют также порядок расположения частей сложного предложения и соотношение модально-временных форм глаголов-сказуемых.

ABOUT MODALITY

by

VASILY FEDOSEEV

Summary

The article analyses the modal meaning of the verb homonymous to the imperative. In the author's opinion, this form of the verb under definite conditions can express real as well as unreal modality. If the modality is real, the action which is to take place is real itself. In this case the form of the verb which is homonymous to the imperative is nothing else but a syntactic synonym of the verb in the indicative mood. In the formation an expression of unreal modality, besides intonation which here plays the main part, the order of the parts of the compound clause and correlation of modal-tense forms of verb-predicates are of great importance.